

Ю. А. ИЩЕНКО

**Экзистенциальный
контекст
гуманитарной
экспертизы**

1. Культура экспертов, которая опирается на проект Модерна, что, по Ю. Хабермасу, развивает объективирующие науки, универсалистские основоположения морали и права с одновременным сохранением и освобождением когнитивного потенциала их высших эзотерических форм с целью усовершенствования практики и улучшения разумной организации жизни, просто так не в состоянии обогатить сферу повседневной жизнедеятельности человека. Возникает вопрос: что необходимо (должно) делать, поскольку мы ныне обречены существовать внутри этой культуры, чтобы не обеднять жизненный мир, не углублять резко обозначившиеся в современности противоречия между социальной институализацией, системой и жизненным миром, в частности, путем разви-

тия гуманитарных практик (соответственно гуманитарных технологий) и базирующихся, «встро-

енных» в них гуманитарных экспертиз?

2. Поскольку предельным основанием гуманитарной экспертизы выступает человек — его качества и возможности, — мы в ее проведении не можем абстрагироваться от определенных антропологических допущений (антропологем) как условия возможности всякой гуманитаристики.

3. Определенные антропологемы, экзистенциалы, социокультурные концепты в непосредственном проведении экспертизы, ее технике и технологиях требуют операционализации и инструментализации. Как соотносить и связать эти общие предпосылки с собственно техниками гуманитарного экспертирования?

4. В гуманитарной экспертизе мы должны избегать редукации, с одной стороны, к очевидностям — настроениям, переживаниям, эмоциям, мотивациям жизненных миров, а с другой — к показателям, операциям, индексам. Как в первом, так и во втором случае нас ожидает предательство классического Локковского или же Декартова разума (рационализма). Мы собственно познаем «сделанное сделанным», или, как пишет М. К. Мамардашвили, «техносами», созданными нерукотворно, в чем уподобляемся барону Мюнхгаузену, вытягивающему себя из болота за волосы.

5. Тем не менее очевидности и переживания жизненного мира, их дискурсное порождение, вербальное и концептуальное выражение, имманентны структуре ценностных суждений и оценкам, которые являются базисом гуманитарной аналитики. В качестве предпосылки и условия гуманитарной экспертизы их можно обобщенно обозначить как экзистенциальный контекст последней.

6. Поэтому в гуманитарной экспертизе необходимо исходить и удерживать в поле *тематического анализа* вербализованную на основе соответствующих нормативных и ценностных переживаний в текстах и символах «экзистенциальную настроенность» (М. Хайдеггер) индивидов как возможность быть собой. Эта последняя лежит в основе игры настроений людей и человеческих сообществ и распределяется между полюсами «угроза — спасение», «страх — надежда», «жизнь — смерть».

7. Необходимо иметь в виду, что в условиях *плюральности* жизненных миров внутри этих дихотомий наблюдается интенсивная ценностная и нормативная подвижность их полюсов, что может приводить к размывости границ между ними и состоянию диффузии ценностно-нормативных систем. Сфера множественности предстает при этом как сфера *публичности*, в которой происходит *легализация* и *легитимация* настроений в форме их признания или непризнания, где индивиды борются за свою идентичность

и самопонимание (честь и достоинство). Контекст экзистенциальный предстает тут как контекст социальный, связанный со свободой выбора, а значит, и как контекст *политический*, поскольку выбор встроен в системы прав и свобод человека и таким образом связан с конституированными в данном социуме идеалами справедливости, свободы и солидарности.

8. Угроза и спасение, страх и надежда и др. парадоксально сходятся в жизненном мире человека в своеобразные *экзистенциальные апории*. Апоории предстает как *экзистенциальный вызов* разным способам рационализации и концептуализации мира, прежде всего обыденно-практической и научно-технической рациональности. Этот экзистенциальный вызов выступает в роли своего рода предельного основания *поиска ответов* в структурах всеобщего и общезначимого знания, что, в частности, предполагает раскрытие *объективирующих* механизмов рационализации и операционализации как основы принятия решений (и экзистенциального выбора). Такое раскрытие объективизации, преодолевая бихевиоризм и операционализм а la Бриджмен, должно использовать принцип тематизации структур жизненного мира, в которых дискурсно генерируются концепты, имеющие своей интенцией «опережающее переживание» (Б. Г. Юдин).

9. Постбихевиористская исследовательская установка в гуманитарной экспертизе означает поворот от объективизма — моральной нейтральности, описательности и операционализма — к субъекту, его интенциям (желаниям и ожиданиям) и действиям, которые в контексте постмодерной ситуации сомнений и недоверия к метанарративам целостности образуют множественные единства жизненных миров.

10. Следует иметь в виду, что объектная репрезентация действительности, являясь необходимым моментом разрыва непосредственности первичного опыта и конструирования объективных связей, неизбежно приводит, когда гипостазируют эти связи, к «на-

ивному реализму» и чревата редукцией к натурализму, т. е. чревата объективизмом.

11. Объективизм конституирует человеческий мир как зрелище, разворачивающееся перед зрителем, который созерцает его с определенного места (как он очутился «здесь», т. е. «тут» и «теперь» — отдельный вопрос). «Точка сидения» определяет отношение к объекту, в частности видение его как объекта познания, а возможное практическое взаимодействие с ним сводится преимущественно к символическим обменам (в случае же практического изменения — к различному рода имитациям и симуляциям теоретического).

12. В преодолении ложной объективности и ее гносеологической разновидности — объективизма важно, как представляется, обращение к теории габитусов П. Бурдьё, которая исходит из принципа практики. Согласно мыслителю в практике образуются особые места диалектической связи *opus operatum* и *modus operandi* — продуктов объективации (структур) и способов практикования. Эти топосы, что включают активность субъекта деятельности и его экзистенцию, образуют то, что мыслитель и называет «габитусами», т. е. системами длящихся и способных к перемещению диспозиций, выступающих как структурирующие структуры и генерирующие, организующие принципы практик.

13. Эвристическое значение данного концепта П. Бурдьё раскрывает так: «Как и все диспозиционные концепты, концепт габитуса, который всей совокупностью своих исторических использований служит для обозначения некоторой системы приобретенных и порождающих диспозиций, ценен, возможно, именно тем, что он дает возможность избежать ложных проблем и ложных решений, лучше сформулировать и решить некоторые проблемы и вынуждает к проступанию собственно научных трудностей»¹. Одной из таких проблем, на которую указывает мыслитель и которая, на наш взгляд, является центральной в проведении гуманитарной экспертизы, является проблема меж-

ду научно сконструированными объективными вероятностями (например, шансами доступа к тем или иным благам) и субъективными ожиданиями («мотивациями» и «потребностями»), что приводит к дискурсивному генерированию определенных диспозиций и их концептуальному выражению.

14. Необходимо иметь в виду, что при переходе в сферу коммуникации экспертов концепты как методологического, так и содержательного, т. е. предметно-тематического, плана приобретают форму концептуальных повествований (нарраций). В отличие от обычных, габитальных, повествований, диспозиционно структурирующих отношения жизненного мира, в завязки концептуальных повествований входят понятия от-рефлексированные в системе аналитических суждений экзистенциальные апории. Тут проблема включения экзистенциальных суждений, в форме которых выражаются диспозиции жизненного мира, в научное аналитическое описание решается путем рассмотрения их в контексте типологических характеристик (знанием условий их генерации).

15. Отталкиваясь от повествования (высказываний, рассказов) как исходной эмпирии, эксперты (каждый по-своему в зависимости от понимания задач, целей, методологических допущений) профессионально изучают его и переводят на специфические языки. Результатом являются определенные интерпретации социальной значимости, смысла или моральной ценности того или иного феномена. Однако понятность профессионального суждения эксперта для других (неэкспертов, как в отдельных случаях и экспертов) может быть достигнута лишь в результате обратного «перевода», скажем, социологического, юридического или психологического анализа на язык повествования жизненного мира.

16. Поскольку конечной целью различных видов гуманитарной экспертизы является изменение или же терапия включенного в различные жизненные миры сознания участников тех или иных событий, то, как пред-

ставляется, описанные выше методы тематизации, типологизации и дискурсного анализа, взятые в контексте применения теории габитусов П. Бурдьё, дают возможность наиболее эффективно раскрывать экзистенциальный ландшафт гуманитарной аналити-

ки, органически соединяя в исследовании и оценке позиции наблюдателя, участника и свидетеля.

¹ Бурдьё П. Практичный глуд. К., 2003. С. 91.